

© 1998 г.

И.М. Дьяконов, В.А. Якобсон

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ДРЕВНОСТИ*

Проблема структуры древнего общества многократно обсуждалась в нашей науке, в том числе и авторами данной статьи¹. Когда же марксистская идеология перестала быть «единственно верной», интерес к указанной проблеме оказался в значительной мере утраченным. Стадиальный (формационный) подход к изучению истории многими теперь объявляется устаревшим, заменяется подходом цивилизационным. Сразу же выяснилось, что и такой подход имеет свои слабости. Если при формационном подходе, стремящемся к широким обобщениям, нередко допускались натяжки в угоду господствующей идеологии, то при подходе цивилизационном господствует сознательный отказ от всяких обобщений, игнорирование очевидных общих черт многих цивилизаций. А это ничуть не меньшая натяжка, причем тоже вполне идеологического свойства.

В нашей стране по понятным причинам возникла своего рода аллергия на марксизм, на Западе же он продолжает оставаться вполне уважаемой социологической и исторической теорией, но, разумеется, не «единственно верным учением». Параллельно с ним существуют и используются и другие теории истории, и в ряде случаев предлагаемые ими объяснения представляются более удачными, чем историко-материалистические. В других же случаях именно эти последние оказываются более действенными. Историкам не следует ни стесняться, ни бояться этой теоретической разногласности. С легкой руки основоположников и продолжателей советского варианта марксизма слово «эклектика» стало ругательным. Но даже физика, относящаяся, как известно, к точным наукам, пользуется для различных случаев разными теориями, которые пока еще не удается согласовать между собой, т.е. создать некое теоретическое единство; поэтому физики выбирают теорию наиболее подходящую для данного случая, наиболее удобную и обладающую максимальной объяснительной

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Становление гражданского общества в древности» (код проекта 96-01-00508).

¹ Дьяконов И.М. К проблеме общности на древнем Востоке // ВДИ. 1964. № 4; он же. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. 1963. № 1; он же. Проблемы современности. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ. 1967. № 4; он же. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ. 1968. № 3, 4; он же. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // ВДИ. 1973. № 3; он же. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959; он же. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1989; Дьяконов И.М., Якобсон В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы и империи». Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2; Якобсон В.А. Представления о государстве в древней Месопотамии // Древний Восток. 3. Ереван, 1978; он же. Проблемы изучения истории государства и права древнего Востока // НАА. 1984. 2–3; он же. Государство и социальная психология // ВДИ. 1989. № 4; он же. Цари и города древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М., 1989; он же. Государство как социальная организация (теоретические проблемы) // Восток. 1997. № 1. См. также теоретические разделы в I томе «Истории Востока». По понятным причинам эта библиография не является исчерпывающей.

силой. История и другие общественные науки имеют дело с объектами неизмеримо более сложными, чем те, которыми занимаются науки естественные, и никаких надежд на создание единой общепринятой теории в обозримом будущем не имеется. По этой причине эклектический подход следует пока считать для историков неизбежным, но он должен сочетаться со строгим учетом фактов, с недопущением каких-либо искажений в угоду или назло какой-либо теории или идеологии. Исходя из приведенных выше соображений, авторы этой статьи не видят причин для отказа ни от формационного, ни от цивилизационного подхода. Первый из них позволяет выявить общие черты и различия в обществах древности, а второй эти различия уточняет и объясняет.

То, что «древность» – понятие не просто хронологическое, но имеющее реальное и конкретное содержание – эмпирический факт. Историк, культуролог, искусствовед отличит древнее произведение искусства, древний текст, древнюю идеологию от средневековых, хотя и не всегда сможет объяснить основания такого различия. Равным образом эмпирически очевидно и различие общественных структур, хотя и здесь многое остается спорным. Попытке добиться хотя бы немного большей ясности именно по этому последнему вопросу и посвящена предлагаемая статья. Авторы не являются полными единомышленниками, хотя их основные наблюдения и выводы, сделанные самостоятельно и независимо, довольно хорошо совпадают между собой, и это позволяет надеяться, что их работа найдет и других единомышленников.

Первая стадия развития классового общества получила у исследователей разнообразные определения. Ее называют «рабовладельческой», «азиатским способом производства», в настоящее время все чаще просто «древним обществом»². Оба автора этой статьи в последних своих работах пришли к выводу, что это общество следует именовать древним гражданским обществом, поскольку именно полноправные граждане были его главным сословием как в античных полисах, так и в царствах Востока (примечательным исключением был древний Египет, о чем подробнее будет сказано ниже). Конец древнего общества связан не с гибелью рабства (оно, как известно, сохранилось до наших дней, а ведущей экономической роли не играло почти никогда), а с гибелью свободы, с уничтожением сословия полноправных (фактически же привилегированных) граждан, а также центров древнего гражданства – древних городов. Наполовину в шутку, а значит, наполовину всерьез, можно даже указать год конца древности в Римской империи – 212 г. н.э., когда император Каракалла своим эдиктом даровал гражданские права всем свободным жителям империи. С этого момента гражданство перестало быть привилегией, превратившись в подданство. На другом конце ойкумены этот процесс выглядел, в соответствии с местными условиями, иначе. В 202 г. до н.э. один из вождей народного восстания против империи Цинь по имени Лю Бан сверг преемника Цинь Шихуанди, одолел всех других претендентов и стал императором, основав новую династию Хань. Он присвоил всем главам семей общинников низший из 18 рангов знатности, и, тем самым, все они оказались включенными в бюрократическую систему государства. Методы были разными, но результаты – очень сходными. Что касается объема гражданских привилегий (а также, разумеется, и обязанностей), то в различных обществах древности он был, конечно, различным, но всегда был связан с гражданской общиной и с народным собранием. Община же, будучи прямой наследницей стаи, т.е. в определенном смысле явлением природы (чем и объясняется ее невероятная живучесть), постоянно враждует с человеческим изобретением – государством³.

² Любопытный пример: в «Истории древнего мира» (три издания общим тиражом ок. 150000 экз., последнее – в 1989 г.) авторы исходят в целом из концепции рабовладельческого общества, но скорее по инерции, в целом им явно ближе идея общего названия трехтомника.

³ Об общине в древней Месопотамии кроме работ, указанных в прим. 1, см. *Evans E. Ancient Mesopotamian Assemblies* // JAOS. 1958. 78; *Szlechter E. Les assemblées en Mésopotamie Ancienne* // Liber memorialis George de Lagarde. Nauwelaerts, 1970; *Dandamayev M.A. Babylonian Popular Assemblies in the First Millennium B.C.* // BCSMS. 30. Québec 1995; *idem. The Composition of the Citizens in First Millennium Babylonia* // AfO. 1997. 24.1.

Но прежде чем мы перейдем к рассмотрению общины и ее функций, следует обратиться к вопросу о характерных чертах древнего общества в целом, а также о имеющихся у соавторов данной работы разногласиях. И.М. Дьяконов (Пути истории...) говорит о двух стадиях (фазах) древности: ранней древности и имперской древности как о самостоятельных формациях. В.А. Якобсон⁴ полагает, что ранняя и поздняя древность составляют две последовательные стадии единой формации – древнего гражданского общества. В связи с этим возникает вопрос о критериях, на основании которых следует различать различные формации и стадии этих формаций. По-видимому, наиболее надежным критерием является структура общества и соответствующая ей социальная психология. Историко-материалистическое представление о том, что изменение производительных сил (попросту говоря, технические нововведения) влечет за собой изменения в производственных отношениях (т.е. в общественной структуре) в общем и целом, по нашему мнению, справедливо, но нуждается в существенных уточнениях. Во-первых, одни и те же технические нововведения могут повлечь за собой совершенно различные изменения в обществе – в зависимости от того, на какую культурную и хозяйственную традицию они накладываются. Так, освоение производства железа и железного оружия имело совершенно различные последствия в обществах Востока и Запада. На Западе удешевление оружия привело к тому, что каждый общинник среднего достатка мог теперь иметь полное вооружение. Этим было подорвано значение аристократии и, напротив, увеличено значение народного собрания, возникла полисная демократия. На Востоке же внедрение железа привело к созданию массовых армий, находящихся на полном иждивении царя, и тем самым сделало возможным создание империи⁵, превратив давно уже существовавшую тенденцию в реальность. Во-вторых, общественное бытие действительно определяет общественное сознание, но лишь в конечном итоге и сложно опосредованным образом. Но и общественное сознание определяет общественное бытие – тоже, разумеется, лишь в конечном счете и очень опосредованно. Противоречия в этих двух утверждениях на самом деле нет: общественное бытие и общественное сознание находятся между собой в сложном взаимодействии и взаимозависимости. Кибернетический термин «обратная связь» не вполне точно отражает суть дела, но, за неимением лучшего, он может быть здесь применен. В других терминах эта взаимозависимость выражается в известной теории Тойнби об «ответах», которые дает общество на «вызовы» истории. Необходимо только помнить, что на один и тот же «вызов» общество может дать несколько «ответов», которые не всегда совместимы друг с другом или поначалу кажутся несовместимыми. Так, на «вызов» в виде кризиса античного общества это общество дало множество «ответов», из которых главными были два, а их можно определить как мирской и духовный. Мирской ответ состоял в том, что если привычный и воспринимаемый как безусловная ценность мир рухнет, его надлежит подпереть железными столбами: так возникла императорская власть. Духовный ответ состоял в том, что этот мир не только не является ценностью, но есть воплощение зла. Поэтому, если он рухнет, туда ему и дорога, а спасать следует душу: так возникли многочисленные «религии спасения», из которых именно христианство оказалось в наибольшей степени отвечающим потребностям эпохи. Вражда же между императорской властью и христианством, как довольно скоро выяснилось, была основана на недоразумении. Но важно иметь в виду, что характер следующего «вопроса» во многом определяется предыдущими «ответами».

Эпоха, описанная К. Ясперсом как «осевое время»⁶ и совпадающая с формацией, которую мы предлагаем именовать «поздней древностью», была именно той эпохой, когда новое сознание создало новое бытие. Новый мир возник на развалинах старого и устоял. Конечно, этот новый мир оказался мало похожим на тот, каким он представлял

⁴ См. Якобсон В.А. Проблемы изучения истории государства и права древнего Востока // НАА. 1984. № 2–3.

⁵ Статья В.А. Якобсона об империи и имперской идеологии находится в печати в ВДИ.

⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

в видениях пророков, поучениях проповедников и выкладках философов. Это отличие определялось предшествующей историей, а попытка полностью порвать с прошлым была обречена на неудачу и, к счастью, тогда (в отличие от России в 1917 г.) почти никому не приходила в голову. Но необходимо подчеркнуть, что имело место вполне осознанное движение по переустройству мира, а это, в свою очередь, было возможно лишь потому, что многочисленная и деятельная часть населения, свободные люди того времени, ощущали себя субъектами если не истории, то, во всяком случае, общественной жизни и культуры, в отличие от людей средневековья, которые считали себя объектами деятельности внешних сил. В этом и состоит социально-психологическая разница между древностью и средневековьем.

Итак, основными характеристиками периода ранней древности являются следующие:

1. Самоуправляющаяся община равноправных свободных граждан, под властью которых находятся рабы и различные категории неполноправных.

2. Общинная собственность на землю, проявляющаяся в различных формах – от территориальных переделов земли до контроля со стороны общины за ее отчуждением.

3. Общинная солидарность, также выражающаяся в различных формах (например, кровная месть, исходящая из представления о коллективной вине и коллективной ответственности).

4. Общинные ритуалистические религии, которые являются продолжением религий первобытных, но в значительно измененном виде. Возможно, что известные у многих народов древности мифы о победе, условно говоря, «олимпийских» богов над «хтоническими» чудовищами отражают это изменение.

5. Государства этого периода представляют собой либо государство-город, либо небольшое территориальное государство. Им могут предшествовать союзы племен, в том числе и очень значительные по размерам.

Основные характеристики поздней древности таковы:

1. Самоуправляющаяся община свободных граждан, лишенная, однако, в большинстве случаев политического суверенитета, т.е. не совпадающая с государством. К концу этого периода все свободные превращаются в подданных, община же становится административной единицей.

2. Возникает и распространяется частная собственность на землю, но в то же время все больше земли переходит под контроль государства.

3. Происходит рост индивидуализма, находящий свое выражение, в частности, в праве (принцип индивидуальной вины и индивидуальной ответственности, частная собственность).

4. Возникают новые религии – религии спасения, религии откровения. Они переходят общинные и этнические границы и потому называются также мировыми религиями. Их именуют также догматическими религиями, ибо, в отличие от религий ранней древности, они имеют установленный канон священных текстов. В центре этих новых религий стоит этика.

5. Государство этого периода является государством территориальным, централизованным или империей⁷.

В связи с этим возникает вопрос, можно ли вообще говорить о гражданском обществе в древности, поскольку для нас гражданское общество есть синоним общества демократического⁸. Поэтому относительно древности обсуждается лишь вопрос, имела ли там демократия за пределами античных полисов⁹. А. Фине, хотя и не без колебаний, дает утвердительный ответ на этот вопрос, отмечая одновременно, что

⁷ См. подробнее Дьяконов, Якобсон. «Номовые государства»...

⁸ В работах современных политологов под гражданским обществом понимаются лишь демократии XIX–XX вв.

⁹ См. например, Finet A. Y'eut-il une démocratie mésopotamienne? // Les pouvoirs locaux en Mésopotamie et dans les régions adjacentes. Bruxelles, 1982.

степень демократичности была, разумеется, в разных местах и в разное время весьма различной. К этому следует добавить, что для древности демократия и гражданское общество не являются синонимами. Выше уже было отмечено, что община (в том числе и гражданская община) представляет собой явление природы, в то время как государство есть человеческое изобретение, и потому они между собой плохо ладят. Это противоречие почти (но только почти!) отсутствует на первых порах, в «новом государстве» или городе-государстве, когда община сама и есть государство. Но даже и в античном полисе совпадение демократии с гражданским обществом – скорее исключение, чем правило, скорее – идеал, чем жизненная реальность. От этого идеала полис постоянно отклоняют тирания, олигархия или охлократия. Так что степень демократичности в разных греческих полисах сильно различалась, располагаясь как бы между двумя «полюсами» – демократическими Афинами и аристократической Спартой. Рим же был аристократической республикой. Но полноправные граждане были повсюду, хотя их возможность влиять на государственные дела была неодинаковой. В еще большей степени это относится к другим обществам даже ранней древности¹⁰.

Остановимся еще на одной проблеме. Согласно *communis opinio doctorum*, основное различие между Востоком и Западом состоит в том, что на Востоке община сохраняется дольше и играет большую роль, чем на Западе. Между тем именно полис эпохи расцвета представляет собой общину в «химически чистом» виде, общину равных (именно по этой причине только античный полис сумел покончить с долговым рабством и продажей в рабство свободнорожденных не за преступление). На Востоке, напротив, община очень рано и повсеместно была деформирована мощными и многоступенчатыми государственными структурами, а в Египте была ими уничтожена полностью, хотя своеобразные «вторичные» общины, как показано в работах Е.С. Богословского, возникали и там, например в поселениях «мастеров»¹¹. Так что Египет, видимо, и был единственной цивилизацией древности, где гражданское общество отсутствовало или, во всяком случае, при нынешнем уровне наших знаний ненаблюдаемо. Объяснение этой уникальности состоит в уникальности географических условий Египта: очень узкая полоска населенной земли вдоль огромной реки, представлявшей собой путь через весь Египет. Никаких естественных границ между номами не существовало, но зато резкие естественные границы отделяли Египет от окружающего мира. При первых же проявлениях классового общества и неизбежно возникавших при этом войнах между первичными политическими образованиями здесь неизбежно и очень рано должно было возникнуть единое для всей долины государство – гораздо раньше, чем в любом другом месте. Чрезвычайно рано возникший мощный бюрократический аппарат и постоянная армия придают древнеегипетскому обществу совершенно особый облик¹². Особыми были также и его идеология, его менталитет. А. Большаков (частное сообщение) отметил, что имевший место только в Египте переход практически из первобытности прямо в централизованное государство (в других обществах такой переход занял многие века, и люди успели «привыкнуть») породил совершенно особую идеологию власти: только здесь царь был богом, и притом богом, если не формально, то фактически самым главным, отодвинувшим других богов на задний план. И только в Египте уже с эпохи Среднего царства (ок. 2000 г. до н.э.) вырабатывается система, согласно которой вся основная масса трудящегося населения числится как «царские хемуу»¹³. Этот принцип управления всеми производящими хозяйствами из государственного центра сохранялся в Египте до римского времени включительно. Сведений о «настоящей» общине, как уже сказано, прак-

¹⁰ См. *Якобсон В.А.* Государство и социальная психология // ВДИ. 1989. № 4; *он же.* Государство как социальная организация // Восток. 1997. № 1.

¹¹ *Богословский Е.С.* Древнеегипетские мастера (по материалам из Дер эль-Медина). М., 1983.

¹² См. *он же.* Государственное регулирование социальной структуры древнего Египта // ВДИ. 1981. № 1.

¹³ См. *Дьяконов.* Пути истории... С. 37.

тически нет. Но, возможно, что в каком-то смысле весь Египет рассматривался как община во главе с царем, причем не соседская, а родственная: слово **hemw* в общеправильном языке означало «свойственник», «непрямой родич»¹⁴.

Трудности, возникающие при сопоставлении тех или иных древних обществ или древних цивилизаций, обусловлены не только и даже, вероятно, не столько социальными и политическими различиями, сколько жанровыми различиями дошедших до нас текстов и их неодинаковой ролью в реальной жизни того или иного общества, а это, в свою очередь, определяется различиями в культуре. Так, индийские философы и писатели были ничуть не хуже античных, но вот историков в Индии не было вовсе. В Месопотамии существовала только официальная история, а в Китае, Израиле и Иудее историография отражала не только официальную точку зрения, но и взгляды интеллектуальной элиты. В Египте же историографии не было, имелись только начатки анналистики: какая и зачем нужна история (да и прочая словесность) в обществе, настроенном на вечность? Конечно, и чтение античных историков и теоретиков – дело не простое, ведь необходимо вычленять и принимать в расчет взгляды самого автора и группировки, к которой он принадлежал. Но античная филология – старинная и почтенная наука, эту работу она уже в основном выполнила. Нам же, востоковедам, приходится заниматься этой работой теперь, в ходе жарких дискуссий. Для Месопотамии, например, сведения приходится извлекать по крохам из самых разнообразных текстов – от царских надписей до «литературы премудрости» и даже писем. Возникающая при этом картина сильно отличается от той, которую дают нам царские надписи.

Практически вся история древней Месопотамии после Раннединастического периода (т.е. после периода городов-государств) пронизана скрытой, но упорной и жестокой борьбой между царями и городскими общинами¹⁵. Напомним, что стремление царей создать централизованное государство, а затем и империю встречало постоянное сопротивление со стороны городских общин. Основатели всех крупных государств в Месопотамии вынуждены были делать своими столицами не древние и славные города, а города мелкие, незначительные, либо специально построенные (все они, разумеется, быстро превращались в пышные царские резиденции). Такой выбор резиденции объясняется желанием царей эмансипироваться от знати и жречества важнейших храмов, сосредоточенных именно в старых и славных городах. Царский выбор, разумеется, не доставлял удовольствия ни знати, ни жрецам. Именно в связи с таким выбором основатель первой общемесопотамской династии Саргон Аккадский был обвинен в недостатке уважения к великим богам, в пагубной гордыне. Старинные города с течением времени получили неплохую компенсацию за некоторую утрату престижа – городские привилегии в виде освобождения от податей и повинностей при внутреннем самоуправлении. Новые столицы, сами став знаменитыми городами, тоже получали привилегии.

Эти свои привилегии и внутреннее самоуправление города отстаивали очень ревностно. Даже попытка обожествления царей так и осталась в Месопотамии эпизодом – именно в связи с сопротивлением со стороны гражданских общин. И вообще в Месопотамии благополучно царствовали только те цари, которые ладили с городскими общинами, а те, кто отступал от этого правила, теряли и корону, и жизнь (одним из них был последний царь самостоятельной древней Месопотамии – Набонид¹⁶). Образованная элита Месопотамии сочиняла специальные «увещания» для царей –

¹⁴ Там же. С. 358.

¹⁵ Литература по этому вопросу уже сейчас огромна, что объясняется общим интересом к нему. Назовем лишь важнейшие издания: *La voix d'opposition en Mésopotamie. Colloque organisé par l'Institut des Hautes Études de Belgique* 19 et 20 mars 1973. Bruxelles S.D., 1974; *Les pouvoirs locaux en Mésopotamie et dans les régions adjacentes. Colloque organisé par l'Institut des Hautes Études de Belgique* 28 et 29 janvier 1980. Bruxelles, 1982; *Mesopotamia 7. Power and Propaganda*. Copenhagen, 1979; *Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland*. 1972. (RAI 18). München, 1972.

¹⁶ См. *Якобсон. Цари и города...* С. 34 сл.

напоминания им об их обязанностях и о последствиях, которые повлечет за собой ненадлежащее исполнение этих обязанностей. Грозным предупреждением такому царю был текст, именуемый в нашей науке «Зерцалом царей» и начинающийся словами «Если царь не блюдет справедливости...»¹⁷. Под «несоблюдением справедливости» понималось именно нарушение привилегий граждан. Другой очень интересный текст этого рода – так называемое «Видение Преисподней» – повествует о посещении загробного мира неким ассирийским наследником престола, возможно Ашшурбанашем¹⁸ и о прегрешениях его деда Синаххериба. Ассирийские цари предстают перед нами в своих надписях грозными повелителями с неограниченной властью. Но другие тексты позволяют увидеть реальную действительность. Коронационный гимн тому же Ашшурбанашем¹⁹ содержит, кроме восхвалений, наставлений и обещаний золотого века, многозначительное напоминание: «Бог Ашшур – царь, только бог Ашшур – царь!» (стк. 15). В таком же коронационном гимне Среднеассирийского периода перед словом «Ашшур» не стоит детерминатив, поэтому не ясно, идет ли речь о боге или о городе (считается, что это сделано сознательно!).

Можно утверждать, что городские общины с самого начала месопотамской истории и до самого ее конца сохраняли именно за собой право назначать царей. Приведем здесь три примера. Первый из них относится еще ко времени династии Аккада и повествует о восстании против царя Нарам-Сина²⁰: «В округе Энлиля, между (храмом) Э-сабад и храмом (богини) Гулы (город) Киш собрался и Ипхур-Киша, мужа кишского, сына [...], они подняли на царство». Второй пример относится к Хаммурапи. В «Прологе» к своим знаменитым «Законам» он подробно описывает благодеяния, оказанные им всем важнейшим городам Месопотамии. Почти все эти города Хаммурапи захватил силой, и письмо Зимри-Лима к Хаммурапи сообщает нам любопытные подробности: «Если граждане Эшнунны примут тебя, царствуй сам над Эшнунной, если не примут, поставь на царствование над ними одного из своих мадарумов»²¹. Наконец, Синаххериб сообщает в своих *Анналах* о мятеже вавилонян и их предводителе Шузубу (презрительное сокращение от Мушезиб-Мардук): «Из Элама он поспешил и прибыл в Вавилон. Вавилоняне, на беду его, на трон его водворили, вручили ему власть над Шумером и Аккадом»²². Эти три сообщения охватывают без малого две тысячи лет, и во всех случаях, даже ругая «узурпаторов» (Нарам-Син, видимо, именуется Ипхур-Киша «[ничей] сын» – обычное обозначение человека безродного), никто не подвергает сомнению право граждан ставить над собой царя. Примерно такой же период охватывают и два сообщения о покупке земли царями у своих подданных. Первое из них – «Обелиск Маништушу» (династия Аккада)²³, повествующий о покупке нескольких тысяч гектаров земель в разных местах. Второе – надписи ассирийских царей, где рассказывается о покупке царем земли для строительства нового дворца. Итак, царь в Месопотамии не был верховным собственником земли, собственность граждан (и это видно из множества текстов) была неприкосновенна. Не был царь в Месопотамии, вопреки почти единодушному мнению исследователей, также и верховным судьей: среди многочисленных дошедших до нас писем царям есть много жалоб на злоупотребления чиновников, но нет ни одной жалобы на решение суда. Суд был одной из тех прерогатив общины, за которую община держалась особенно крепко. И, наконец, даже обожествление Нарам-Сина (первый

¹⁷ См. *Reiner E. The Babylonian Fürstenspiegel in Practice // Societies and Languages of the Ancient Orient. Studies in Honour of I.M. Diakonoff. Warminster, 1982. P. 319–326.*

¹⁸ См. *Livingstone A. Court Poetry and Literary Miscellanea. State Archives of Assyria III. Helsinki, 1989. P. 68–76.*

¹⁹ *Ibid.* P. 26–27.

²⁰ Перевод И.М. Дьяконова (История древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 248).

²¹ Перевод В.А. Якобсона. Издание текста см. *Dossin J. Le madarum dans les archives royales de Mari // RAI. 1972. 18.*

²² Перевод В.А. Якобсона («Я открою тебе сокровенное слово». Литература Вавилонии и Ассирии. М., 1981. С. 266).

²³ Разбор этого текста см. *Дьяконов // История древнего Востока. С. 294 сл.*

пример прижизненного обожествления царя Месопотамии) было оформлено как постановление городской общины Аккада, своего рода «почетный декрет», принятый гражданами в честь их магистрата²⁴.

Так как оба автора этой статьи – ассириологи, естественно что большая часть приводимых материалов относится к древней Месопотамии. Однако сходные явления можно наблюдать и в других обществах ранней и поздней древности. Так, важная роль общины и народного собрания в древней Палестине, в частности, в том, что касается возведения на трон нового царя, показана в работе И.Ш. Шифмана²⁵. Этому же посвящена и часть работы В.А. Якобсона «Государство как социальная организация...» (прим. 1), которая в некоторых вопросах расходится со статьей И.Ш. Шифмана. Перу И.Ш. Шифмана принадлежат и другие работы по интересующей нас теме. Например, роль народного собрания в Набатее освещена в его книге, посвященной Набатейскому царству²⁶. О гражданском коллективе в древнем Угарите и его взаимоотношениях с царем рассказывается в другой его книге²⁷. Недавно была защищена чрезвычайно интересная докторская диссертация А.А. Вигасина, в которой значительное внимание уделено роли общины в древней Индии²⁸. Наконец, о роли общин в древнем Китае см. главы, написанные Т.В. Степугиной для «Истории древнего мира». О свободных гражданах и роли народного собрания в античных полисах существует гигантская литература, приводить которую здесь нет возможности. Но хотелось бы особо отметить работу И.А. Шишовой²⁹. Хотя она и посвящена другой теме, эта работа содержит чрезвычайно интересный материал, касающийся рассматриваемой нами проблемы (а также очень полезную критику наших собственных работ). Присущая любому древнему обществу явная, а чаще всего – скрытая борьба гражданской общины с государством имела в античных полисах своеобразные формы: гражданская община здесь пыталась пресечь попытки превращения полиса в «нормальное» государство. В Афинах эта борьба выражалась в тираноубийстве и остракизме³⁰ – специфическом средстве, с помощью которого общество избавлялось от своих чересчур харизматичных граждан. В республиканском Риме даже одно только подозрение в намерении возродить царскую власть неизбежно стоило заподозренному жизни. Но в общем и целом верх в этой борьбе брало государство. С его ростом прямое народоправство становилось физически невозможным, ареал его все более ограничивался, а само оно становилось все более формальной данью традиции. В конце концов гражданские коллективы были поглощены государством: один из двух братьев-близнецов победил другого. Общины превратились в чисто административные единицы. Но гражданский коллектив по прошествии многих веков вновь появился на свет подобно Ионе из чрева кита (или, в данном случае, – «Левиафана», как называл государство Гоббс). Представительная форма правления, – может быть, важнейшее из всех изобретений Средневековья и Нового времени – возрождает гражданское общество, но уже, разумеется, в новых формах.

²⁴ К истолкованию текста см. Якобсон. Цари и города... С. 26 сл., там же библиография.

²⁵ Шифман И.Ш. Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III – первая половина I тысячелетия до н.э.). Государство и социальные структуры. М., 1989. С. 53–85.

²⁶ Он же. Набатейское государство и его культура. Из истории культуры доисламской Аравии. М., 1976; особенно см. с. 56 слл.

²⁷ Он же. Угаритское общество (XIV–XIII вв. до н.э.). М., 1982; особенно см. гл. V–VI, с. 236 слл.

²⁸ Вигасин А.А. Основные черты социальной структуры древней Индии: Автореф. д-ра истор. наук. М., 1995. С. 17 слл.

²⁹ Шишова И.А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991.

³⁰ См. Гинзбург С.И. Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до н.э. // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 32–42.

The authors offer important guidelines to the study of ancient civil society. Most of the materials discussed come from Mesopotamian sources although similar phenomena can be observed in some other societies of early and late antiquity. The authors emphasize the role of civil communities as opposed to the state and their specific forms in different areas.

© 1998 г.

Л.С. Баюн

ДИВИНАЦИЯ НА ДРЕВНЕМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ХЕТТСКИЕ ОРАКУЛЫ. I*

На протяжении тысячелетий древняя Малая Азия была ареалом взаимодействия различных культурных традиций, которые находили своеобразное преломление в хеттской культуре. Одной из сфер духовной и общественной жизни древних хеттов, в которой активно действовали эти процессы, была дивинация. В настоящей статье рассматриваются некоторые общие вопросы наиболее распространенной в Малой Азии II тыс. до н.э. дивинационной практики – оракулов в их соотношении с другими аналогичными переднеазиатскими традициями.

В течение длительного периода в Месопотамии и Малой Азии сосуществовали два таких разных типа дивинации, как рациональная, аналитическая, с одной стороны, и божественное вдохновение, с другой. Впервые официальная дивинация появляется в Шумере в первой половине III тыс. до н.э.¹ В архаичных клинописных табличках из Ура (ок. 2700 г. до н.э.) и Шуруппака (ок. 2600 г. до н.э.) встречается термин AZU, обозначающий толкователя различных божественных знаков (= аккад. baġû – «исследующий», «объясняющий»). Во время правления Ур-нанше (ок. 2520 г.) в текстах появляется сочетание MAŠ. E RA, буквально «назначение посредством козленка», которое использовалось применительно к достаточно высоким жреческим должностям, связанным, как полагал Ж. Боттеро, с предсказаниями по печени жертвенных животных². В середине XXV в. до н.э. на знаменитой Стеле ястребов Эанатума, правителя Лагаша, упоминается откровение посредством сна. Начиная с середины XXIV в., в Староаккадский период, встречаются упоминания ордалии, а об астрологии мы впервые узнаем из текстов, записанных во времена Гудеа из Лагаша (ок. 2130 г. до н.э.)³.

* Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта «Истоки и пути развития цивилизаций древности: Египет и Малая Азия».

¹ Литература по ближневосточной дивинации огромна, что отражает как ее место в культуре древней Передней Азии, так и неиссякающий интерес к этой теме со стороны исследователей. Здесь укажем лишь некоторые работы общего характера: La Divination en Mésopotamie ancienne. P., 1966; Oppenheim L. Ancient Mesopotamia. Revised edition completed by Erica Reiner. Chicago. 1977. P. 206–227; Bottéro J. Symptômes, signes, écritures en Mésopotamie ancienne // Divination et rationalité / Éd. du Seuil. P., 1974. P. 70–197; Jong Ellis M. de. Observations on Mesopotamian Oracles and Prophetic Texts. Literary and Historiographic Considerations // JCS. 1989. 41/2. P. 127–186.

² Bottéro. Symptômes... P. 145; См. также Blome F. Die Opfermaterie in Babylonien und Israel. Roma. 1934; Lods A. Le rôle des oracles dans la nomination des rois et des prêtres chez les Israélites, les Egyptiens et les Grecs // Mélanges Maspéro. I. P. 1956. P. 91 suiv.

³ Bottéro. Symptômes... P. 145 suiv.